

В прошлый раз мы расстались на том, как в обеих усадьбах праздновали рождение двух младенцев, нареченных нефритом. Хотя эти радостные события принесли немало оживления в поместья Нинго и Жунго, на жизни Цзя Чжу они почти не отразились. Сроки государственных экзаменов неумолимо приближались, а тут ещё добавились ежедневные тренировки с мечом для укрепления здоровья, так что времени на праздные заботы у него попросту не оставалось.

Порученное Юаньчунь плетение темляка не заняло много времени. Вскоре она принесла брату готовую работу, аккуратно закрепив её на рукояти. Едва взглянув на подарок, Цзя Чжу понял, сколько сил и души сестра вложила в это дело. В отличие от вычурных поделок обычных служанок, её узел оказался лаконичным, строгим и благородным. Цзя Чжу остался чрезвычайно доволен и на следующий же день, отправляясь на учёбу, бережно повёз подарок в поместье Линь, чтобы лично вручить Су Цзэцзиню.

В тот час Цзэцзинь вместе с Шао Инлинем вели неспешную беседу в кабинете. Почтительно склонившись, Цзя Чжу протянул учителю темляк и с улыбкой произнёс:

— Вещь эта не бог весть какая ценная, лишь скромная дань уважения от вашего ученика. Надеюсь, наставник примет её.

Цзэцзинь принял подарок. Вместе с Инлинем они принялись разглядывать искусно вплетённое в узел нефритовое кольцо, то и дело кивая в знак одобрения и хваля Цзя Чжу за чуткость. Тогда юноша добавил, что над плетением трудилась его сестра Юаньчунь, которая тоже некогда брала у господина Су уроки игры на цине, а значит, может считаться его ученицей наполовину. Услышав это, собеседники обрадовались ещё больше. Цзэцзинь тут же удалился в молельню, вынес свой знаменитый меч Сяолян и собственноручно закрепил темляк на его эфесе. Видя, как бережно наставник гладит шёлковые нити, Цзя Чжу втайне ликовал — подарок пришёлся как нельзя кстати.

Поскольку дружба между ними крепла день ото дня, а поднесённый дар так пришёлся наставнику по душе, Цзэцзинь взялся обучать Цзя Чжу военному искусству с удвоенным рвением. Цзя Чжу от природы не отличался ратным талантом, да и здоровье имел слабое — как некогда говорил сам наставник, «великого мастера из него не выйдет». Но юноша и не стремился покорять вершины воинской славы, желая лишь окрепнуть телом. Благодаря строгому руководству Цзэцзиня и собственному упорству, со временем Цзя Чжу научился владеть клинком весьма недурно, и этих навыков вполне хватало для самозащиты. Самым же ценным плодом тренировок стало то, что он избавился от прежней болезненной хрупкости и вечной усталости. Сююй, глядя на его успехи, даже подшучивал, что если Чжу-эр провалит гражданские экзамены, то всегда сможет попытать счастья на военном поприще.

Что касается Цяньсяня, который повсюду следовал за Цзя Чжу в качестве слуги, то поначалу он лишь помогал молодому господину упражняться, изображая противника. Однако вскоре Цзэцзинь заметил у паренька незаурядный дар к конной стрельбе. В раннем детстве, живя в крайней нужде, Цяньсянь нанимался пасти овец к местному богачу. Чтобы согнать отару в кучу или очертить границы пастбища, ему приходилось швырять камни на огромные расстояния. За годы такой работы он развил феноменальный глазомер и точность. Помня об этом, Инлинь обратился к своему старому другу Янь Чэню — отставному военачальнику третьего ранга, который сейчас томился без дела. По его протекции Цзя Чжу отправил

Цяньсяня в усадьбу Янь, где тот стал тренироваться вместе с сыном генерала. Забегая вперёд, стоит сказать, что упорные труды принесли плоды: со временем слуга превратился в непревзойдённого мастера конной стрельбы.

В тот год Цзя Чжу исполнилось тринадцать лет. В Поднебесной как раз наступила пора государственных испытаний. Шао Инлинь рассудил, что оба его подопечных готовы заявить о себе, и настоял на их участии. Однако перед самым началом дела возникла неожиданная преграда. К тому моменту Линь Хай уже дослужился до звания главного учёного Академии Ханьлинь, что обязывало его курировать проведение экзаменов. По закону, дабы избежать предвзятости, его близкие родственники — Сююй и Цзя Чжу — подлежали отводу и должны были ждать следующего трёхлетия. К счастью, в начале весны Линь Хая перевели на должность верховного цензора Ланьтайсы, освободив от надзора за испытаниями. Путь для юношей был открыт, и они стали готовиться к июньским экзаменам на звание туншэна.

Для Цзя Чжу это было первое настоящее испытание с тех пор, как судьба забросила его в этот мир. Разумеется, он не мог не волноваться. Поскольку ведающий делами образования чиновник пребывал в Тунчжоу, юношам надлежало держать экзамен именно там. Родные заранее наняли в Тунчжоу тихую усадьбу для их проживания. Сююй прибыл из своего поместья в поместье Жунго, чтобы отправиться в путь вместе с кузеном. Накануне отъезда всё поместье стояло на ушах от волнения. В покоях матушки Цзя ужин накрыли гораздо раньше обычного. Старая госпожа долго и подробно напутствовала внуков, прежде чем отпустить их отдыхать. Но стоило им выйти, как их позвал к себе в кабинет Цзя Чжэн. Впрочем, строгий отец не успел сказать и пары слов: слуги доложили, что с визитом пожаловал господин Цзин из поместья Нинго, и хозяева поспешили навстречу гостю.

Цзя Цзин оставался единственным в обоих семействах, кто в своё время успешно выдержал все ступени государственных экзаменов и получил звание цзиньши. Узнав, что младшее поколение отправляется на испытания, он счёл своим долгом явиться и подбодрить их. Сначала почтенный старец похвалил их благородное рвение, затем предался воспоминаниям о собственных юношеских мытарствах в экзаменационных залах и, наконец, дал несколько бесценных практических советов, которые юноши прилежно намотали на ус. Беседа затянулась на добрый час. Проводив гостя до ворот поместья Жунго, Цзя Чжэн не стал утомлять сыновей лишними разговорами и велел им немедленно ложиться спать. Тем временем госпожа Ван вместе со служанками Лэнхэ и Инхэ в десятый раз проверяла дорожные припасы и одежду, боясь упустить хоть малейшую мелочь. Сам Цзя Чжу тоже осмотрел багаж: еды, в основном лёгкой выпечки и сладостей, набралось целых два лакированных короба.

Затем служанки помогли юношам умыться и уложили их в постель. Но сон не шёл к обоим. Сююй метался под одеялом от переполнявшего его нетерпения. Он спал и видел, как оправдает доверие наставников и отца, войдя в тройку лучших. Пылая юношеским задором, он то и дело заговаривал с лежащим рядом Цзя Чжу:

— Чжу-эр, мне не терпится поскорее оказаться в экзаменационном зале... Столько лет просидеть у морозного окна при свете светляков, умирая над книгами! И всё ради того, чтобы однажды вписать свои имена на стенах Дикой Пагоды и вкусить сладость победы.

— Полно тебе, — Цзя Чжу с улыбкой покосился на кузена. — Молодой господин, ты ведь с

колыбели спал на шёлке и ел на золоте, окружённый толпой слуг. Когда это тебе доводилось мёрзнуть у «морозного окна»?

Но Сююй, пропустив колкость мимо ушей, продолжал восторженно:

— Пусть даже слава учёного мужа преходяща, но все великие люди древности начинали именно с этого пути. И дед наш, и отец вышли из числа преуспевших на экзаменах. Я слышал, когда батюшка возвращался после объявления результатов в звании таньхуа, вся столица высыпала на улицы, чтобы хоть краем глаза взглянуть на него. Какое это было величие! Воистину правы древние: «Лишь тот, кто сорвёт лунную корицу, уверует в силу своего таланта»...

—...

— Чжу-эр, ты знаешь? — Сююй приподнялся на локте. — Я дал обещание отцу и учителю, что на следующем дворцовом экзамене непременно войду в тройку лучших, прямо как батюшка в своё время. А этот первый экзамен на туншэна — так, лёгкая разминка перед настоящим делом. Прямо руки чешутся начать!

— Брат Юй, неужели ты настолько уверен в себе? — отозвался Цзя Чжу. — Я слышал, на экзамен съедутся тысячи человек со всей провинции. К тому же мы в столичном округе, неужели ты не боишься встретить кого-то, кто окажется талантливее тебя?

— Чего тут бояться? — фыркнул Сююй. — Пусть придут хоть тысячи, дописать работы до конца смогут лишь единицы. Мы с тобой тренировались под руководством лучших учителей, и сам наставник говорил, что первый тур для нас — сущая чепуха. Вопрос лишь в том, какое место в списке мы займём...

Цзя Чжу промолчал. Он прекрасно знал строптивый характер Сююя — гордый, летящий, не терпящий приземлённости. Обладая умом столь блестящим, что впору было состязаться со звёздами, этот юноша действительно мог смотреть на экзамены свысока. Цзя Чжу не стал спорить с ним, позволяя кузену упиваться собственным красноречием, а сам погрузился в свои думы. Сююй ещё немного поговорил в пустоту и, не получив ответа, быстро заскучал, повернулся на бок и вскоре мирно засопел.

Цзя Чжу бережно поправил сползшее одеяло Сююя, но сам уснуть так и не смог. В отличие от лихорадочного возбуждения кузена, его собственную душу бредила глухая, тревожная нерешительность.

«Почему я так извожу себя? — Цзя Чжу уставился в тёмный полог кровати. — Разве в той, прошлой жизни, я мало сдавал экзаменов? Школа, бесконечные зачёты, выпускные испытания...»

Ему казалось, что воспоминания о прошлом мире давно стёрлись, растворились без остатка в

суматохе новой реальности. Но нет — они лишь дремали в самых потаённых уголках его естества, готовые в нужный момент поделиться накопленной мудростью и стойкостью.

«Я ведь закалённый в боях ветеран, — мысленно усмехнулся он. — И этот экзамен на звание туншэна — всего лишь первый шаг. Обычное испытание, открывающее дорогу к провинциальным экзаменам. Если я спасую здесь, то как собираюсь выдерживать то, что ждёт впереди?»

Эта мысль принесла долгожданное облегчение. Тягостное предчувствие отступило, уступив место холодной решимости. Избавившись от лишних сомнений, Цзя Чжу закрыл глаза, обнял спящего Сююя и мерно погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/18221/1758497>